

ными из греков и ничего так сильно не любили, как красивые речи и музыку. Так, даже во время чумы Перикл успокоил народный ропот речью, а гнев Александра смягчала игра на флейте Тимофея. Происходят ли современные афиняне от золотого семени древних, это для него, Михаила, вскоре выяснят самые их взгляды. В качестве христиан им надлежит превосходить добродетелями Аристиды, Аякса, Диогена, Перикла, Фемистокла и марафонских бойцов. Они являются благородными оливковыми черенками, привитыми к языческим дичкам, и напеваются в доме Господнем апостольской росой. Некогда в Акрополе тешилась неугасимая лампада безверия, но этот ложный свет, словно мерцание светляка, померк, когда солнце истины, осеняемое Приснодевой, возшло над городом и избавило Акрополь от тирании ложной парфенонской богини. Слово с самих небес воссияла теперь из Акрополя вечная лампада, озаряя собой не только Афины и Аттику, но и весь мир. Увлеченный красноречием, оратор сравнил себя тут даже с Моисеем, вообразив себя не в афинской крепости, а на горе Хореве или даже на тверди небесной.

Среди величественных колоннад Парфенона напоминания о славной старине могли общину потомков прежних афинян скорее принизить, чем вознести на высоту гордого самосознания. Миновали те времена, когда Перикл или Демосфен на ораторской трибуне могли свободно отдаваться полету мыслей и, воплощая их в тончайшие аттические выражения, оставались понятными народу. Теперь перед афинянами стоял оратор, изощривший свои дарования в последней риторской константинопольской школе, но классически образованный епископ предлагал вниманию своей паствы превышавшую их разумение, хотя и тщательно составленную, академическую речь, написанную блистательным слогом, переполненную цитатами из классиков и Библии и сверкавшую метафорами и тропами. Слушателям же Акомината доступно было лишь греческое народное наречие. Как некогда антиохийцам оставался непонятен чистый греческий язык Иоанна Златоуста, так теперь